

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ. —

5 ФЕВРАЛЯ.

№ 6

1912 ГОДА.

Благочестіе и добрая жизнь.

(Популярно-богословское чтеніе, предложенное въ Залѣ Братства Свв. Митрофана и Тихона 11 декабря 1911 года).

Прошло около пяти лѣтъ съ того времени, какъ начались наши воскресныя собранія. И за все это время этотъ залъ былъ свидѣтелемъ не только обычнаго многолюдства, но и добраго вниманія собравшихся къ слову, раздающемуся съ этой кафедры. Это великое утѣшеніе и для говорящихъ, и для слушающихъ, потому что здѣсь, на бесѣдахъ, мы чувствуемъ духовное единеніе въ размышленіи надъ вопросами вѣры, т. е. надъ самымъ завѣтнымъ въ человѣческой жизни.

Но, по слову Апостола, мы должны „простирайтесь въ прежняя, задняя забывая“, т. е. мы должны стремиться впередъ, развивать начатое дѣло, забывая, т. е. не улаждаясь достигнутымъ. И вотъ, слѣдуя апостольскому завѣту, я буду говорить съ этой кафедры о томъ, чего намъ не доста-

еть въ нашихъ собраніяхъ и къ чему мы всѣ, здѣсь присутствующіе, должны стремиться.

Благочестивое чувство непреодолимо требуетъ внѣшняго выраженія и въ богослужебныхъ обрядахъ, и въ благочестивыхъ собесѣдованіяхъ. Но, дѣлаясь привычными, обряды и собесѣдованія теряютъ въ своей жизненности, перестаютъ двигать челоуѣка на дѣла, достойныя званія христіанскаго. Челоуѣкъ, привыкши къ обрядамъ, полюбивши ихъ, начинаетъ *услаждатся* ихъ красотою и благолѣпіемъ, получаетъ удовольствіе, присутствуя на торжественномъ и благолѣпномъ богослуженіи, какъ и на проповѣди, разъясняющей истины вѣры. Такъ бывало на Западѣ. Напр., въ XVII вѣкѣ тамъ возникло общество піэтистовъ, т. е. благочестивыхъ людей, которые въ воскресные дни собирались не только на богослуженіе, но и на взаимное собесѣдованіе о благочестіи. Піэтисты восторгались величіемъ христіанской вѣры и проливали слезы, бесѣдуя о Божественной любви, выразившейся въ пришествіи на землю Спасителя міра, Его крестныхъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи. И на первыхъ порахъ эти благочестивыя собранія вызывали подъемъ духа въ піэтистахъ, возвышали самый строй жизни христіанской. Но прошли годы, собранія сдѣлались привычными и обратились въ услажденіе религіозными чувствами. Чтобы яснѣе была моя мысль, я напому вамъ о театральныхъ зрѣлищахъ. Тамъ зрителей не только ласкаетъ пріятная обстановка, не только увлекаетъ дѣйствіе драмы или комедіи, но доводитъ до умиленія, до изліянія потоковъ слезъ несчастье, переживаемое героемъ драмы, или его героическій поступокъ. Но все это область удовольствія, и только. Даже слезы, проливаемые въ театрѣ по поводу несчастій дѣйствующихъ лицъ, — пріятныя слезы, печаль театральная — пріятная грусть. И оттого всѣмъ извѣстно, что театральныя зрѣлища, волнуя сердце и пробуждая даже добрыя чувства, не только не воспиты-

вають води, но и ослабляють ее: легко и пріятное волненіе по поводу воображаемаго несчастья или воображаемаго героическаго поступка — пріучаетъ наши нервы легко возбуждаться, легко настраиваться на тотъ или другой тонъ и столь же легко переходить къ другому, несродному съ предшествующимъ, настроенію. Развивается въ чловѣкѣ то, что называютъ дряблымъ „прекраснодушіемъ“, т. е. сентиментальною чувствительностью, неспособною на дѣйствительный подвигъ.

Когда я бываю на этихъ собесѣдованіяхъ, когда я выступаю предъ вами съ этой кафедры, я не могу отрѣшиться отъ сомнѣнія, не повторяемъ ли и мы съ вами опыта западныхъ піетистовъ, не обращается ли и для насъ благолѣпная церковная служба и религіозное собесѣдованіе въ предметъ услажденія и только услажденія? Когда мы стоимъ въ храмѣ, не ограничиваемъ ли мы свое участіе въ богослуженіи тѣмъ, что наслаждаемся благолѣпными обрядами, пріятнымъ пѣніемъ, красными словами богослужебныхъ возгласовъ? Когда мы слушаемъ рѣчи о вопросахъ вѣры, не ограничиваемся ли только тѣмъ, что усвояемъ мыслью ходъ разсужденій проповѣдника, забывая, что рѣчь проповѣдника тогда только имѣетъ смыслъ и значеніе, когда приводитъ слушателя къ доброму дѣлу? Если такъ, то мы обращаемся въ прекраснодушныхъ піетистовъ и даже театральныхъ зрителей, ищущихъ въ религіозныхъ собраніяхъ своеобразнаго удовольствія, но не жизненнаго возбужденія къ доброму подвигу. И если это такъ, то тщетна и молитва наша, тщетно и усердіе наше къ храму и этимъ собраніямъ, тщетно, пусто и это слово наше.

Признавая тщету такой набожности, дряблость и бесплодность такого благочестія, мы и попытаемся теперь выяснить себѣ, въ чемъ состоитъ истинно добрая жизнь, въ чемъ состоитъ дѣйствительное христіанское благочестіе. При

этомъ, будемъ помнить, что здѣсь предлагается вамъ не поученіе церковное, не наставленіе пастыря пасомымъ, а бесѣда, которая столь же приложима къ говорящему, какъ и къ слушающимъ: во взаимномъ размышленіи объ истинно доброй жизни и я, и вы почерпнемъ побужденіе не къ безплодному услажденію словами, а къ дѣйствительно христіанскому поведенію.

Но прежде чѣмъ выяснитъ это на текстахъ Священнаго Писанія или на ученіи Св. Отцовъ, я прибѣгну къ способу, который нѣкоторымъ изъ васъ, быть можетъ, покажется страннымъ. Большинство изъ здѣсь присутствующихъ смотрятъ на наши бесѣды, какъ на церковную проповѣдь. И это вѣрный взглядъ въ томъ отношеніи, что въ нашихъ бесѣдахъ предлагается ученіе церковное. Но форма ученія, предлагаемаго здѣсь, въ залѣ, а не въ церкви, естественно должна носить характеръ болѣе житейскій, соответствующій нашимъ мірскимъ интересамъ и нашимъ запросамъ отъ жизни. Мнѣ приходилось слышать, что нѣкоторые изъ васъ, наиболѣе ревностные и преданные Церкви Божіей, бываютъ недовольны всякимъ упоминаніемъ о свѣтской литературѣ и всякою ссылкой на свѣтскаго писателя. Это святая ревность! Но ревнующіе такъ забываютъ, что здѣсь же, рядомъ съ ними, сидятъ люди (и, быть можетъ, такихъ большинство), которые пришли сюда для разъясненія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ недоумѣній, подъ вліяніемъ разговоровъ въ обществѣ и сочиненій свѣтскихъ писателей. И при томъ это большинство болѣе сроднилось съ мірскою рѣчью и съ мірскими приемами рѣчей и бесѣдъ. Для такихъ слушателей всего лучше начинать рѣчь съ выясненія нашихъ мірскихъ представленій о жизни и съ раскрытія подходящихъ литературныхъ образовъ, рисующихъ христіанскія воззрѣнія на жизнь. Припомнимъ, что самъ Господь Іисусъ Христосъ говорилъ народу о красотѣ полевой лиліи, чтобы выяснитъ понятіе о

Промыслъ Божіемъ. А для раскрытія разнообразныхъ нравственныхъ понятій говорилъ многочисленныя притчи. И это было необходимо, потому что истина легче усваивается и ярче запечатлѣвается, когда предлагается не въ отвлеченной формулѣ, а въ живомъ образѣ.

Для начала своей бесѣды я, поэтому, и возьму литературный образъ, чтобы онъ послужилъ намъ притчею, облегчающею раскрытіе истины, а потомъ уже перейду къ положительному ученію Слова Божія о жизни.

Есть норвежскій писатель Г. Ибсенъ, у котораго среди многочисленныхъ сочиненій особенно выдѣляется драма „Брандъ“. Для неопытнаго читателя далеко не все ясно въ этомъ сочиненіи, есть даже мысли прямо невѣрныя или соблазнительныя. Но общая мысль сочиненія и образъ героя достойны всякаго вниманія и глубокаго размышленія.

Брандъ это высокообразованный человѣкъ, усвоившій себѣ чрезвычайно строгій и даже суровый взглядъ на жизнь и на людей. Его возмущаетъ поверхностное, легкомысленное отношеніе людей къ жизни.

...Родъ людской—онъ въ наше время боленъ,
Нуждается въ лѣченіи. Вы всѣ
Хотите лишь играть, смѣяться,
И вѣрить, уповать, не разсуждая,
Хотите бремя все грѣховъ и горя
Взвалить Тому на плечи, Кто явился,
Какъ вы слышали, пострадать за васъ.
Вънецъ терновый Онъ, Многострадальный,
Надѣль, и—можно вамъ пуститься въ плясъ!

„Отъ вѣры, отъ ученія Господня
Вы отдѣлили жизнь, и въ ней никто
Христіаниномъ быть ужъ не берется;
*Въ теоріи вы христіанство чтите,
Въ теоріи стремитесь къ совершенству,*

Живете жъ по совсѣмъ инымъ завѣтамъ.

И Богъ такой вамъ нуженъ, чтобъ сквозь пальцы
Смотрѣлъ на васъ“.

Его возмущаетъ, что люди чувствуютъ себя спокойными при такомъ легкомысленномъ отношеніи къ жизни и даже считаютъ себя добрыми христіанами.

„Пройдись-ка по странѣ, людей послушай, —

Узнаешь, что здѣсь каждый научился

Быть понемножку всѣмъ—и тѣмъ и сѣмъ:

Серьезнымъ—въ праздники за службой въ церкви;

Упорнымъ—гдѣ обычаевъ коснется

Такихъ, какъ ужинать на сонъ грядущій,

Да плотно, какъ отцы и дѣды наши;

Горячимъ патріотомъ—на пирахъ,

Подъ звуки пѣсенъ о скалахъ родимыхъ,

Натурою широкой, тароватой—

На обѣщанія за винной чашей;

Прижимистымъ при обсужденіи трезвомъ—

Исполнить ихъ иль нѣтъ. Но тѣмъ иль сѣмъ

Лишь понемножку всякъ всегда бываетъ;

Ни добродѣтели въ немъ, ни пороки

Всего не заполняютъ „я“; онъ дробь

И въ маломъ и въ большомъ, и въ зломъ и въ
добромъ.

Всего же хуже то, что убиваетъ

Любая дробь часть остатокъ весь“.

Брандтъ призываетъ людей быть цѣльными, а не половинчатыми и не раздробленными. Христіанинъ долженъ смотрѣть на жизнь, какъ на непрерывный подвигъ совершенствованія. Вперивъ свой взоръ въ Божественное, онъ идетъ ввысь по крутизнамъ и утесамъ, не отвлекаясь мелочными приманками жизни.

„Никто не знаетъ Божьяго рѣшенія:

Но въ книгѣ вѣчности огнемъ горить:
„Будь вѣренъ до конца, купить не думай,
Торгуясь, жизни вѣчнаго вѣнца“!
Чело омыть боязни потомъ мало:
Очиститься огнемъ страданья должно.
Простится то тебѣ, *чего не сможешь*,
Чего-жъ *не за хотѣлъ* ты—никогда!
Намъ всѣмъ одинъ завѣтъ данъ, всѣмъ—
Не допускать фальшиваго аккорда
Въ душѣ своей, гармонію блюсти!
И человекъ, и всѣ его дѣянья
Осуждены, коль дѣйствовалъ онъ только
Наполовину, не отъ всей души.
Ученье это быть возведено
Должно въ законъ не на словахъ на дѣлѣ“!

Наша половинчатость, наши колебанія широко растеклись въ общественной жизни. И всѣ почти находятъ этому оправданіе въ человѣческой слабости. Мы всѣ очень снисходительны прежде всего къ себѣ самимъ, а потомъ и къ ближнимъ. Съ гнѣвомъ писатель бичуетъ эту снисходительность и гуманность, о которой такъ много говорятъ люди, все оправдывающіе и извиняющіе.

„Нѣтъ болѣе опошленнаго слова,
Забрызганнаго ложью, чѣмъ любовь!
Имъ съ сатанинской хитростью людишки
Стараются прикрыть изъяны воли.
Маскировать, что въ сущности ихъ жизнь—
Трусливое заигрыванье съ смертью!
Путь труденъ, крутъ—его укоротить
Велить... любовь! Идемъ дорогою торной
Грѣха—надѣмся спастись... любовью!
Мы видимъ цѣль, но, чтобъ достичь ея,
Зачѣмъ борьба? Мы побѣдимъ... любовью“!

Заблудимся, хотя дорогу знаемъ, —

Убѣжище намъ все же дастъ... любовь“!

Бѣдо осмѣивая такую дряблую любовь, которая на самомъ дѣлѣ есть не любовь, а попустительство, писатель видитъ единственное спасеніе отъ такой ничтожной жизни — въ воспитаніи воли, считая главною ошибкой воспитанья — забвеніе воли. Только воспитаніе воли выводитъ человѣка на дѣйствительное дѣло, только оно даетъ истинную добродѣтель.

„Нашъ первый долгъ — *хотѣть* всѣмъ существомъ,
И не того лишъ, что осуществимо
И въ маломъ и въ большомъ; хотѣть не только
Въ предѣлахъ тѣхъ или иныхъ страданій,
Трудовъ, борьбы, — нѣтъ, *до конца хотѣть*.
Не въ томъ спасеніе дающій подвигъ,
Чтобъ на крестѣ въ страданьяхъ умереть,
Но въ томъ, чтобъ этого *хотѣть* всѣмъ сердцемъ,
Хотѣть и средь страданій крестныхъ даже,
Въ минуты скорби и тоски предсмертной, —
Лишь въ этомъ подвига вся суть, весь смыслъ“.

Подумайте надъ этими словами, — они сто́ятъ того. Мы преклоняемся предъ великими подвигами, и намъ кажется, что подвигъ, состоящій въ отреченіи отъ себя, въ раздачѣ имущества бѣднымъ, въ пожертвованіи даже жизнью — совершается порывомъ, по вдохновенію. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Подвигъ только увѣнчиваетъ тернистый путь самовоспитанія, борьбы съ самолюбіемъ и мелкими лишеніями. Эти лишенія, мелкія и будничныя даются нелегко — именно потому, что они мелки и на нихъ жаль растрачивать силу духа. „Кажется, не такъ тяжело умереть за другихъ, какъ изо дня въ день испытывать пошлость жизни, терпѣть постоянныя несправедливости окружающихъ, работать мелкую будничную работу и не опуститься нравственно“, такъ

говорилъ мнѣ одинъ захолустный священникъ въ минуту откровенности. Онъ былъ и правъ, и не правъ: правъ въ томъ, что истинное совершенствованіе, состоящее въ постоянной борьбѣ съ внѣшними препятствіями и собственнымъ себялюбіемъ, чрезвычайно тяжело; неправъ въ томъ, что высокій героическій подвигъ самопожертвованія считалъ дѣломъ легкимъ и возможнымъ для человѣка, не воспитавшаго своей воли этимъ тяжелымъ путемъ мелкихъ лишеній и борьбы съ себялюбіемъ. Истинное совершенство дается только воспитаніемъ воли и устремленіемъ ея къ единой Божественной цѣли, безъ оглядыванія назадъ, безъ колебанія направо и налѣво, безъ разслабляющей снисходительности къ своимъ немощамъ и недостаткамъ.

Воля—единственный цементъ надежный; воля

И губить и освобождаетъ духъ;

Она одна разрозненныя силы

Его сплотить способна; въ ней вся суть“.

Такія убѣжденія, суровыя и прямолинейныя, дѣлають всю жизнь тяжелымъ подвигомъ, а не легкимъ и веселымъ времяпровожденіемъ.

„Я строгъ, суровъ въ своихъ стремленьяхъ къ дѣлу;

Мой лозунгъ—все иль ничего.

Уступокъ—никакихъ, ни послабленій,

Ни снисхожденія къ грѣху не жди;

Коль жизни всей для подвига не хватитъ,

Готова къ добровольной смерти будь“.

И Брандтъ является у писателя образомъ такого прямолинейнаго служителя истины. Онъ былъ молодъ и талантливъ.

И ему снились великія, прекрасныя мечты. Онъ думалъ стать вождемъ цѣлаго народа, чтобы вести его къ мудрости и славѣ. Но, пришедши въ свою родную деревню, онъ увидѣлъ, какъ нуждается здѣсь простой, невѣжественный и забитый народъ въ истинномъ просвѣщеніи и особен-

но въ нравственномъ воспитаніи. Кругомъ него только мрачныя скалы, нависающія надъ деревней и заслоняющія ее даже отъ солнечнаго свѣта, предъ нимъ тернистый и безрадостный трудъ. Но къ цѣли высшей ведетъ его тѣсный путь и душу его жжетъ чистѣйшій огонь. „Трудъ будничный, тяжелый и упорный онъ надѣется преобразить въ правдикъ благотворный“.

Онъ отрекается отъ наслѣдства, оставшагося отъ матери. Онъ поселяется навсегда въ нездоровой родной деревнѣ и дѣлается священникомъ. Хирѣетъ его ребенокъ отъ недостатка свѣта и тепла. Благоразуміе толкаетъ его на бѣгство въ теплыя солнечныя мѣста. Но это было недолгое колебанье. Его же пасомые обличаютъ это колебанье. „Измѣнять призванью не смѣетъ никто и биться долженъ до конца“. И онъ остается на мѣстѣ, ясно сознавая, что сынъ его умретъ, что сыномъ, дорогимъ, единственнымъ ребенкомъ, онъ жертвуетъ ради блага, ради спасенія своего прихода. Съ тяжкою, невыразимою скорбью выслушиваетъ это рѣшеніе его жена, ради него отказавшаяся отъ богатой и шумной свѣтской жизни. Только вѣра въ Бога и преданность мужу, герою и мученику, побѣждаютъ въ ея сердцѣ невыразимую боль за обреченнаго на смерть сына. „Жизнь мою въ руки Твои отдаю“, говоритъ страдающая жена, услышавъ рѣшеніе мужа остаться на мѣстѣ. „Свѣточемъ будь мнѣ, Спаситель!“ молитъ рыдающій мужъ-священникъ и, заложивъ руки назадъ, въ изнеможеніи падаетъ ницъ.

И малютка умираетъ. Умираетъ радость въ семьѣ. Только воспоминанья о миломъ ребенкѣ оживляютъ угнетенный духъ родителей. Но эти воспоминанья вмѣстѣ съ тѣмъ бередятъ незажившія раны. А дѣло жизни, дѣло спасенія народа требуетъ полнаго сосредоточенія на немъ, а не на этихъ воспоминаніяхъ. И Брандтъ, самъ не забывшій своей любви къ малюткѣ, стремится искоренить это воспоминанье

и въ себѣ, и въ женѣ. Нельзя безъ слезъ читать эти сцены борьбы съ чувствомъ матери къ погибшему малюткѣ. Но жена не выноситъ этой тяжелой борьбы съ горемъ и съ суровымъ долгомъ: „доброю волей богата она въ самыхъ страданіяхъ, въ мукахъ; силъ не хватаетъ лишь, падаетъ духъ“. Она умираетъ, надломленная этой непосильной борьбой, и священникъ остается одинъ. Онъ продолжаетъ свой путь служенія ближнему, онъ неуклонно ведетъ къ Богу свою паству. Но народъ, грубый и мелочный, быстро пошедшій за нимъ, восхищенный его безкорыстіемъ и самопожертвованіемъ, недолго оставался ему вѣренъ. При первомъ же испытаніи, когда нужно было выбирать между подвигомъ и сытою жизнью, между лишеніями и избыткомъ, народъ оставилъ Брандта, и одинокій герой погибаетъ, отвергнутый всѣми. Но это славная гибель, лучшая продолжительной и спокойной жизни. Въ его жизни была одна тѣнь-суровое бичеванье не пороковъ, и неизбѣжныхъ слабостей людей; но горе отца и мужа растопило его сердце, и онъ, оставаясь попрежнему непреклоннымъ въ своемъ служеніи добру, сталъ жалостливымъ къ человѣческому горю и понялъ, что Богъ не только Грозный Судія, но и любящій Отецъ.

И предъ смертью этотъ страдалецъ-герой говоритъ:

„Стынуть въ морозѣ закона
Сердце и духъ, но повѣтъ тепломъ
Свыше и—разомъ оттаютъ.
Долгомъ считалъ я доселѣ—служить
Чистой скрижалю для Бога;
Чувствомъ согрѣта и смысла полна
Жизнь моя будетъ отнынѣ.
Цѣпь порвана ледная—могу
Плакать, любить и молиться“.

Пусть пересказанная мною драма послужить вамъ прит-

чею, уясняющею пониманіе жизни. Брандтъ погибъ и цѣль его самоотверженія не достигнута: народъ, за который онъ терпѣлъ тяжкія лишенія и ради котораго онъ пожертвовалъ всѣмъ въ жизни, отвернулся отъ него и пошелъ назадъ, за своекорыстными вождями. Но не ясно ли, что такая смерть блаженнѣе долгой жизни? Не ясно ли, что память такого погибшаго глашатая истины навсегда дѣлается свѣточемъ для всѣхъ, жаждущихъ свѣта, истины и добра? Во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ смерть героевъ, стоявшихъ за правду и погибшихъ за нее, была сѣменемъ жизни, такъ какъ свѣтлая память о непреклонномъ глашатаѣ правды зажигала любовь къ правдѣ въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ. Исторія давно увѣковѣчила изреченіе: „кровь христіанскихъ мучениковъ послужила сѣменемъ новой жизни“. И это изреченіе только повторяетъ слова нашего Господа, сказанныя имъ незадолго до Его крестныхъ страданій, которыя были началомъ Его прославленія. „Пришелъ часъ прославиться Сыну Человѣческому. Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода“ (Ев. Іоан. XII, 23. 24). И такимъ пшеничнымъ зерномъ явился Самъ Господь Іисусъ Христосъ, смерть Котораго привела къ побѣдѣ правды надъ ложью, добра надъ зломъ. И потому Господь, тотчасъ же послѣ словъ о пшеничномъ зернѣ предсказалъ близкое наступленіе Своихъ крестныхъ страданій, ради спасенія людей: „Нынѣ судъ міру сему, нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ. И когда Я вознесенъ буду отъ земли (т. е. на крестъ), всѣхъ привлеку къ Себѣ“ (Ев. Іоан. XII, 31. 32). Но этотъ высочайшій подвигъ Господа не былъ Его единственнымъ подвигомъ: вся Его земная жизнь была не инымъ чѣмъ, какъ непрерывною крестною жертвой: Онъ, равный Богу Отцу, уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ; смирилъ Себя, былъ по-

слушнымъ даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Богъ превознесъ Его и далъ Ему Имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Іисуса преклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ“ (Филип. II, 6—10).

Жертва Господа Іисуса Христа уже не притча, а живой примѣръ, которому каждый христіанинъ призванъ подражать по мѣрѣ своихъ силъ. Господь ясно начерталъ всѣмъ намъ единственный путь спасенія—въ жертвѣ, въ самоотверженіи—даже до смерти. „Любящій душу свою погубить ее; а ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранитъ ее въ жизнь вѣчную“ (Іоан. XII, 25; Мѡ. X, 39; Мр. VІІІ, 35; Лук. IX, 24). Замѣчательно, что всѣ четыре евангелиста записали это изреченіе Спасителя: оно охватываетъ все христіанское міровоззрѣніе и на немъ намъ необходимо съ глубокимъ вниманіемъ остановиться. „Любящій душу свою погубить ее“. Это значитъ, что любовь къ себѣ, желаніе жить только для себя, безъ жертвъ и самоотреченія, ведетъ къ смерти вѣчной, такъ какъ эта любовь, эгоистичная, сухая и безсердечная, не питаетъ человѣческой духъ, а иссушаетъ его и вытравливаетъ все вѣчное, что заложено въ человека. Напротивъ, кто отвергаетъ себя въ этой земной жизни, кто сознаетъ, что всѣ мірскія блага: богатство, красота, слава, наслажденія плоти—должны быть принесены въ жертву вѣчному духовному совершенствованію, тотъ сохранитъ свою душу въ жизнь вѣчную.

И потому Господь „ко всѣмъ“ слушавшимъ Его сказалъ: „если кто хочетъ итти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною“ (Лук. IX, 23).

„Отвергнись себя“ ради Господа, „погуби себя“ въ своемъ самолюбіи ради спасенія! Можно ли при такомъ определенномъ завѣтѣ быть христіаниномъ и въ то же время считать себя выше, лучше другихъ и жить въ свое удовольствіе. „Никто не можетъ служить двумъ господамъ: ибо или одно-

го будетъ ненавидѣть, а другого любить; или одному станетъ усердствовать, другому нерадѣть“. „Не можете служить Богу и мамонѣ“ (Мѳ. VI, 24)—это слова Христовы. И если мы считаемъ себя христіанами, только услаждаясь величественнымъ богослуженіемъ и слушая богословскія разсужденія, но забывая неуклонно проводить ихъ въ свою ежедневную жизнь, то мы только обманываемъ и себя, и своихъ ближнихъ. „Любящій душу свою погубитъ ее“. Если мнѣ дороже тѣлесныя страсти и житейскія пристрастія, чѣмъ дѣло Божіе, то я гублю свою душу навѣки. Далѣе любовь къ отцу, матери и ближнимъ родственникамъ губительна для человѣка, если она препятствуетъ совершенствованію вѣчнаго духа. И потому Спаситель опредѣленно сказалъ Своимъ послѣдователямъ: „Всякаго, кто исповѣдуетъ Меня предъ людьми, Того исповѣдаю Я предъ Отцемъ Моимъ небеснымъ. А кто отречется отъ Меня предъ людьми, отрекусь отъ того и Я предъ Отцомъ Моимъ небеснымъ. Не думайте, что я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ. Ибо я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невестку съ свекровью ея. И враги человѣку домашніе его. Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе Меня, тотъ не достоинъ Меня“ (Мѳ. X, 32—38).

Таково ученіе Спасителя о жизни христіанской. Оно признаетъ только вѣру, оправданную дѣлами, только благочестіе, проникающее всю жизнь, всѣ дѣла и помышленія человѣка. Слабость и грѣховность человѣческой природы могутъ затруднять это осуществленіе вѣры, это исполненіе залога въ жизни. Но необходимо хотѣніе человѣка жить похристіански, безъ такого хотѣнія нѣтъ христіанина, хотя бы человѣкъ и былъ набоженъ, и былъ слушателемъ слова Божія. Это говорятъ Евангелія. Это говорятъ посланія апо-

стольскія. Послушайте, напр., что пишетъ апостоль Іаковъ. (I, 2—9; 19—27; II, 10—26): „Съ великою радостью принимайте, братія мои, когда впадаете въ различныя искушенія, зная, что испытаніе вашей вѣры производитъ терпѣніе. *Терпѣніе же должно имѣть совершенное дѣйствіе*, чтобы вы были совершенны во всей полнотѣ, безъ всякаго недостатка. Если же у кого изъ васъ недостаетъ мудрости, да проситъ у Бога, дающаго всѣмъ просто и безъ упрекъ, и дастся ему. Но да проситъ съ вѣрою, нимало не сомнѣваясь, потому что сомнѣвающейся подобенъ морской волнѣ, вѣтромъ поднимаемой и развѣваемой. Человѣкъ съ двоящимися мыслями не твердъ во всѣхъ путяхъ своихъ... Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающіе самихъ себя. Ибо, кто слушаетъ слово и не исполняетъ, тотъ подобенъ человѣку, разсматривающему природныя черты лица своего въ зеркалѣ. Онъ посмотрѣлъ на себя, отошелъ, и тотчасъ забылъ, каковъ онъ. Но кто вникнетъ въ законъ совершенный, законъ свободы, и пребудетъ въ немъ, тотъ, будучи не слушателемъ забывчивымъ, но исполнителемъ дѣла, блаженъ будетъ въ своемъ дѣйствованіи. Если кто изъ васъ думаетъ, что онъ благочестивъ, и не обуздываетъ своего языка, но обольщаетъ свое сердце, *у того пустое благочестіе*. Чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцемъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбяхъ и хранить себя неоскверненнымъ отъ міра... „Что пользы, братія мои, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? можетъ ли эта вѣра спасти его? Но скажетъ кто-нибудь: „ты имѣешь вѣру, а я имѣю дѣла: покажи мнѣ вѣру твою безъ дѣлъ твоихъ, а я покажу тебѣ вѣру мою изъ дѣлъ моихъ. Ты вѣруешь, что Богъ одинъ: хорошо дѣлаешь; и бѣсы вѣрують, и трепещутъ. Но хочешь ли знать, неосновательный человѣкъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва?“

Эти же мысли съ особой настойчивостью раскрываютъ христіанскіе подвижники. „Когда душа твоя приблизится къ тому, чтобы выйти изъ тьмы; тогда вотъ что для тебя будетъ признакомъ: сердце у тебя горитъ и, какъ огонь, распалается день и ночь; а потому цѣлый міръ вмѣнешь ты въ ничто, не желаешь даже и пищи отъ сладости новыхъ пламенѣющихъ помысловъ, непрестанно возбуждающихся въ душѣ твоей. А пока не встрѣтишь въ себѣ этого, ты не совершилъ еще пути своего и не вступилъ въ гору Божию. Если же и послѣ того, какъ обрѣлъ и пріялъ ты (такое настроеніе), горячность твоя охладѣетъ, то горе тебѣ! Если не имѣешь дѣлъ, не говори о добродѣтеляхъ“ (Преп. Исаакъ Сиринъ. Добротолубіе, т. II, стр. 766).

Возвратимся теперь къ началу нашей бесѣды. Мы собираемся сюда для благочестивыхъ размышленій, и это сдѣлалось нашей доброй привычкой. Но если, усвоивъ эту привычку, мы нисколько не возвысили свою жизнь, свои нравы и обычаи, то эта привычка безплодна. Мы должны, напротивъ, здѣсь, на этихъ бесѣдахъ, почувствовать святое недовольство собою, если только живо воспримемъ, въ чемъ состоитъ истинно христіанская жизнь. И только тогда, когда, при такомъ настроеніи недовольства собою, мы уходимъ отсюда съ рѣшимостью измѣнить свою жизнь, направивъ ее на дѣйствительное совершеніе добра, безъ раздвоенія, безъ поблажекъ и снисхожденія къ себѣ,—только тогда эти наши бесѣды имѣютъ смыслъ.

Мы собираемся сюда по Заповѣди Божіей—помнить день субботній, чтобы освящать его. Но Господь давалъ Свою заповѣдь объ освященіи седьмого дня не за тѣмъ, чтобы люди только въ этотъ день вспомнили о Немъ и о своемъ назначеніи служить Ему, а за тѣмъ, чтобы святостью седьмого дня озарить всю жизнь, чтобы и будничныи ежедневный трудъ проходилъ при свѣтѣ того огня, который зажженъ

въ душѣ человека навѣки, но только подновляется, усиливается священнымъ покоемъ праздника. Цѣль жизни вѣчное субботаствованіе, т. е. вѣчный праздникъ на небѣ въ живомъ общеніи съ Богомъ—Источникомъ всякаго добра. И потому нашъ праздничный покой долженъ быть живымъ побужденіемъ къ достиженію этой цѣли, устремляя не только нашу мысль и не только наше чувство, а особенно нашу волю къ дѣйствительно доброй христіанской жизни.

И. Никольскій.

Забытое дѣло.

Три года тому назадъ въ сл. Ф—ой скончался отъ продолжительной и тяжелой болѣзни о. діаконъ Н., оставивъ послѣ себя жену и трехъ малолѣтнихъ сиротъ. Поступивъ на приходъ, покойникъ, какъ и каждый изъ насъ, всѣ заботы употреблялъ на то, чтобы сдѣлать свой домикъ, въ которомъ можно было-бы пріютить свою семью. На это дѣло у него и шли тѣ скудныя средства, которыя онъ получалъ.

Когда его постигла болѣзнь, жена, надѣясь на его выздоровленіе, за неимѣніемъ своихъ средствъ, вынуждена была прибѣгнуть къ займу денегъ для его леченія у богатыхъ крестьянъ-односельчанъ. Ко дню смерти о. діакона долговъ образовалось свыше 300 рублей.

Надежды жены не оправдались и о. діаконъ предалъ свой духъ Богу Отцу. Какъ только тѣло покойника было предано землѣ,—тотчасъ-же началась распродажа имущества въ уплату долговъ. Была продана корова, амбаръ и всѣ хозяйскія принадлежности, но на уплату долга вырученныхъ денегъ не хватило.

Осталось одно—продать домъ, а вдовѣ съ дѣтьми идти скитаться по чужимъ куткамъ. Со слезами на глазахъ жена

покойника умоляла своихъ кредиторовъ подождать, надѣясь получить учительское мѣсто и обѣщая изъ этихъ средствъ постепенно уплачивать долгъ. Но неумолимый заимодавецъ настаивалъ на немедленной уплатѣ денегъ. Выведенная изъ терпѣнія и доведенная чуть-ли не до психическаго расстройства, бѣдная вдова рѣшилась раньше продажи домика, распродать свои ложки, миски и всю посуду. Но, къ несчастію, въ мѣстномъ селѣ не оказалось людей, которые бы купили ея 3 серебряныхъ ложки и она вынуждена была ѣхать съ ними въ сосѣднее село, предлагая купить ложки за цѣну: „сколько дадите“.

Встрѣтившись съ ней, я пригласилъ ее къ себѣ въ домъ. Не могу я представить себѣ того чувства, съ которымъ начала она свой рассказъ. Обливаясь вся слезами, она говорила, что ей и стыдно и обидно и больно это дѣлать, но ее заставляетъ нужда. Сколько тутъ было высказано ропота и на покойника и на всю свою жизнь и полнаго отчаянія. Когда я успокоилъ ее, чѣмъ могъ, она отправилась домой, въ голову же мнѣ полѣзли самыя черныя думы. Первымъ вопросомъ въ головѣ у меня явился вопросъ, не придется ли такое положеніе испытывать и моей семьѣ и неужели только она одна такая страдальца.

Мало теперь въ духовенствѣ стало такихъ лицъ, которыя, умирая, оставляютъ обезпеченіе своей семьѣ. Исключенія выпадаютъ развѣ лишь на тѣхъ лицъ, у которыхъ не было дѣтей, или на стариковъ, которые жили еще въ „доброе время“. Что-же касается молодыхъ пастырей, также о діаконѣ и псаломщиковъ, то поистинѣ ихъ семей ожидаетъ положеніе только что описанной вдовы. Больно сжимается сердце и какъ-бы хотѣлось при своей жизни увидѣть выходъ изъ этого тяжелаго положенія. Великой искренней благодарностью проникается сердце къ устроителямъ эмиритурной кассы, но этого одного не достаточно.

Годъ тому назадъ среди духовенства нашей епархіи под-
нялся было вопросъ объ учрежденіи кассы взаимопомощи.
Съ радостью былъ встрѣченъ этотъ проэктъ и всѣ тѣ, кому
дороги интересы своей семьи, сочувственно поддерживали его
на сѣздахъ. Но, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ ничего не
слышно о конечныхъ результатахъ этого столь важнаго про-
екта. Неужели онъ погребенъ? Сотни семействъ будутъ опла-
кивать его смерть и взывать о его возстаніи. Быть можетъ
не въ далекомъ будущемъ будетъ Епархіальный Сѣздъ ду-
ховенства; ради всего святого поднимете этотъ вопросъ и
дайте ему толчекъ къ его осуществленію.

Тысячи несчастныхъ вдовъ и сиротъ будутъ благода-
рить Васъ.

Св. П. Н—овъ.

Больной вопросъ.

Статья Депутата въ № 33 Епарх. Вѣдомостей 1911 г.
спова выдвинула вопросъ объ обезпеченіи духовенства ка-
зеннымъ жалованіемъ.

Вопросъ этотъ больной въ духовенствѣ. Близкое при-
косновеніе къ нему возбуждаетъ болѣзненную нервность какъ
въ писателяхъ, и такъ и въ читателяхъ. Я думаю, что всѣ
причты, за исключеніемъ очень не многихъ, считаютъ се-
бя плохо обезпеченными матеріально. Доброхотное даяніе,
главный источникъ содержанія духовенства, держится на та-
комъ зыбкомъ основаніи, что ежеминутно грозитъ Епархіаль-
нымъ судомъ при стремленіи увеличить его сообразно тре-
бованію жизни, а самими прихожанами оно систематически
сокращается, и современемъ это даяніе можетъ совершен-
но прекратиться, какъ это и было въ годы, такъ называе-
маго, освободительнаго движенія въ приходахъ свободомы-

слящихъ. Жизнь-же съ каждымъ годомъ дорожаетъ, требуя для себя все болѣе и болѣе матеріальныхъ средствъ; потому и естественно, что руки почти всѣхъ причтовъ тянутся къ жалованію, хотя небольшому, но устойчивому обезпеченію.

Задача Съѣзда о. депутатовъ при распредѣленіи этого жалованія очень важная и отвѣтственная, такъ какъ нужно распредѣлить его правильно, принявъ во вниманіе основательныя данныя при сужденіи о мѣстѣ въ списокѣ cadaго нуждающагося причта. Безусловно, при сужденіи о мѣстѣ извѣстнаго причта въ списокѣ нуждающихся, не можетъ быть достаточнымъ основаніемъ шутливое заявленіе юмориста-депутата, что онъ слышалъ когда-то—отъ кого-то, что въ селѣ Б. священникъ собираетъ много пшеницы, гусей и меду (ст. депутата въ № 33 В. Е. В. за 1911 г.). Если бы даже этотъ шутливый депутатъ, дѣйствительно, это слышалъ когда-либо, то и тогда ему должно бы было пояснить, что это относится ко временамъ, давно прошедшимъ, а не къ настоящему времени. Нѣтъ нужды подробно разъяснять, что въ настоящее время представляютъ эти сборы вообще и въ частности и въ с. Б. Конечно, всѣмъ и каждому изъ духовенства извѣстно, что кромѣ величайшей нравственной пытки изъ этого вынужденнаго нищенства ничего не получается.

Эти сборы въ настоящее время дѣлаются настолько унижительною, что многіе изъ духовенства ихъ совершенно прекратили, а тѣ, которыхъ нужда выгоняетъ еще собирать подаянія, дѣлаютъ это чрезъ великую мочь и силу, достигая скудныхъ результатовъ. Не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для сужденія о мѣстѣ причта въ списокѣ нуждающихся и его не особенно основательное нытье и плакливость. Много слезъ бываетъ напрасныхъ. Напримѣръ, причтъ с. К. заявляетъ, что его приходъ при 1300 душахъ, —бѣднѣйшій; такъ-какъ „души эти—не крѣпостныя

души“ (будто гдѣ-то онѣ есть крѣпостныя); что подцерковныя дома не могутъ служить обезпеченіемъ; такъ-какъ ихъ нужно ремонтировать и ихъ можетъ имѣть всякій причтъ, если пожелаетъ (едвали!); что жители с. К. 1300 душъ (на самомъ дѣлѣ, кажется, значительно больше), нищенствуютъ, такъ-что ихъ можетъ встрѣтить просящими вездѣ каждый (я никогда нигдѣ ихъ не видалъ!). Я хорошо знаю с. К. и думаю, что оно можетъ быть поставлено въ списокъ нуждающихся, но только не ранѣе другихъ ему подобныхъ ¹⁾). Если довѣриться статьѣ Депутата въ № 33 Еп. Вѣдомостей, то кажется страннымъ, что Епарх. Съѣздъ имѣлъ очень неустойчивое мнѣніе по вопросу о жалованіи. Въ 1909 году Съѣздъ депутатовъ составилъ общій для всей епархіи списокъ нуждающихся въ жалованіи причтовъ, а въ 1911 г. своему списку довѣрія не оказалъ и вмѣсто того, чтобы представить къ жалованію дальнѣйшіе по списку причты, учредилъ секцію и ей поручилъ выбрать изъ своего списка для представленія къ жалованію причты. Ясно, что если секція должна была представить только дальнѣйшіе по списку причты, то для нея не было никакой работы и въ самой секціи не было никакой надобности, а если секція работала самостоятельно, то списокъ, поэтому, былъ неправиленъ. Учрежденіе секціи по вопросу о жалованіи далѣе поводъ считать секцію инстанціей, распредѣляющей жалованіе. Это ясно изъ того, что туда начали поступать просьбы и заявленія о назначеніи жалованія; т. о. депутатъ Покорскій хлопоталъ у секціи жалованіе въ свой приходъ и едва не достигъ желаемой цѣли. Если будетъ такой порядокъ существовать въ дальнѣйшее время, то домогаться жалованія у секціи будутъ не одни депутаты, а и многіе посторонніе причты, заваливая секцію прошеніями и заявленіями о назначеніи жа-

¹⁾ По численности душъ и составу причта.

лованія. Словомъ, секціи эти попадутъ въ тоже положеніе, въ которомъ было Еп. Начальство до изданія указа о прекращеніи подачи Епарх. Начальству прошеній о назначеніи причтамъ жалованія. Не навязывая свою точку зрѣнія, я считаю справедливымъ въ вопросѣ о жалованіи уравнивать всѣ благочинія. Правильно было бы, принявъ къ полному вниманію списки благочиній, составить списокъ Епархіальный такимъ образомъ. Разбить всѣ нуждающіеся причты на серіи по 60-ти причтовъ въ серіи, по числу самихъ благочиній, и въ первую серію представить къ жалованію по одному первому причту изъ благочинническихъ списковъ; во вторую—по второму и т. д. Мѣсто причта въ самой серіи опредѣлять, принимая во вниманіе дѣйствительныя и неоспоримыя данныя, относящіяся къ его благосостоянію и неблагоосостоянію, а переставлять причты изъ одной серіи въ другую предоставить только однимъ благочиніямъ того округа, къ которому принадлежитъ приходъ нуждающагося причта.

Избиратель.

Е. Е. Голубинскій.

7 января 1912 г. въ Сергіевомъ Посадѣ умеръ Евгеній Евсигнѣевичъ Голубинскій. Это тотъ самый Голубинскій, книга котораго „Исторія русской Церкви“ появленіемъ своимъ въ свѣтъ тридцать лѣтъ тому назадъ составила цѣлое событіе. Въ ученомъ мірѣ она сразу же создала своему автору имя глубоко-проницательнаго, одареннаго замѣчательно-могучимъ и смѣлымъ историческимъ талантомъ, изслѣдователя, но въ широкой публикѣ на нее посмотрѣли, какъ на книгу почти еретическую, и встрѣтили ее, по словамъ самого Голубинскаго, „враждебно“.

Воспитавшись на *Начертаніяхъ Церковной Исто-*

риі въ двухъ частяхъ» еп. Иннокентія, почитатели церковной старины были просто подавлены историческимъ атеизмомъ, который они нашли въ сочиненіи Голубинскаго. Дѣйствительно, Голубинскій первый рѣшительно и смѣло своимъ критическимъ ножомъ распласталъ дряблѣе тѣло нашей Церковной исторіи, созданной изъ весьма сомнительныхъ и непровѣренныхъ, порою же прямо тенденціозныхъ повѣствованій первоначальной русской лѣтописи и другихъ документовъ. Своимъ мастерскимъ анализомъ источниковъ, путемъ сравнительнаго метода, впервые примененнаго имъ въ широкихъ размѣрахъ, Голубинскій воочію показалъ всю эфемерность начальной русской церковной исторіи. Здѣсь, какъ говорится, онъ не оставилъ камня на камнѣ. Такъ доисторическое христіанство въ предѣлахъ теперешней Россіи, рассказанное преосв. Макаріемъ на страницахъ своей *«Исторіи христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра»*, рассказанное мѣстами съ чисто дѣтскою довѣрчивостью, было вычеркнуто имъ цѣликомъ. Сильною болью въ сердцахъ почитателей церковныхъ преданій отозвалась его беспощадная критика того, съ чего обыкновенно начиналась наша исторія, — посвѣщенія апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ кіевскихъ горъ. Теперь уже не составляетъ вопроса ни для кого изъ занимающихся исторіей русской церкви — былъ-ли апостоль Андрей на кіевскихъ горахъ и плавалъ-ли по Днѣпру, посѣтилъ-ли онъ Новгородъ и новгородскія бани, а тогда отрицаніе лѣтописнаго рассказа со стороны Голубинскаго сочтено было ересью. Хотя рѣчь объ этомъ преданіи поднималась уже и ранѣе, наприм., извѣстнымъ *Шлецеромъ* («*Несторъ Шлецера*», въ перев. Языкова, 1809 г., ч. I, стр. 170—173), кн. *Щербатовымъ* (Исторія російск., 1770 г., т. I, стр. 268—9), м. московскимъ *Платономъ*, при чемъ послѣдній отрицательно отнесся къ нему, и Голубинскій только болѣе подробно развилъ и аргументировалъ

его положенія, тѣмъ не менѣе на голову московскаго профессора обрушился цѣлый рядъ укоризнъ и поношеній. И только „благожелательное покровительство“ м. московскаго Макарія спасло Голубинскаго отъ болѣе чувствительныхъ непріятностей.

Но Голубинскому приходилось создавать науку церковной исторіи и далѣе. Не смотря на то, что давно уже читались книги архіеп. Филарета и м. Макарія, однако отсутствіе въ нихъ надлежащаго критицизма заставило его пересмотрѣть всѣ вопросы заново. Такъ, крещеніе князя Владиміра и кіевской Руси составило предметъ настоящаго изслѣдованія, приведшаго Голубинскаго къ отрицанію лѣтописнаго повѣствованія о приходѣ пословъ ко Владиміру съ предложеніемъ своихъ вѣръ и о крещеніи его самого въ г. Корсуни. Выводы Голубинскаго въ настоящее время подтверждены рядомъ другихъ изслѣдователей (напр., академикомъ *Шахматовымъ* въ его ст. *«Корсунская легенда о крещеніи князя Владиміра»*), но враги его обвинили ни больше, ни меньше, какъ въ хуленіи и развѣнчиваніи равноапостольнаго князя, противъ каковой клеветы Голубинскій горячо протестовалъ. Нельзя не упомянуть и о томъ, какъ оригинальное ученіе его о начальномъ просвѣщеніи русскихъ и о степени вліянія на него монгольскаго ига вызвало (да и теперь вызываетъ „у людей съ исключительнымъ образомъ мыслей“, какъ деликатно выражается о нихъ самъ Голубинскій) у послѣдователей Карамзина и Татищева патріотическое негодованіе за тотъ якобы ригоризмъ, съ которымъ Голубинскій бичуетъ косность русскихъ, выставляя причиною невѣжества ихъ самихъ. По вопросамъ: о началѣ церковной іерархіи, объ отношеніяхъ русскаго митрополита къ греческому патріарху, кто былъ первымъ митрополитомъ — Голубинскій высказался вопреки существовавшему ученію. Согласно съ установленнымъ имъ годомъ крещенія кіевлянъ

онъ организацію русской Церкви относитъ къ 991 году (вмѣсто 988), а первымъ митрополитомъ называетъ Леона вмѣсто Михаила, котораго почитаетъ никогда не существовавшимъ, — положенія, которыя и по настоящее время не опровергнуты (да никто ихъ и не пытается опровергать).

Здѣсь не мѣсто, конечно, входить въ подробное разсмотрѣніе всего того, что сдѣлалъ для своей науки Голубинскій, и указанное есть только самое выпуклое въ его системѣ.

Но говоря о томъ, что Исторія Русской Церкви, какъ наука, начинается только изысканіями Голубинскаго, мы однако не думаемъ утверждать, что книга его во всемъ безошибочна. Прежде всего онъ самъ былъ далекъ отъ мысли о своей непогрѣшимости. „Въ своихъ взглядахъ, мнѣніяхъ и сужденіяхъ, говоритъ онъ, я, конечно, могу ошибаться; но это возможно и бываетъ со всѣми людьми, и если бы всѣ воздерживались отъ заявленій убѣжденій, которыя считаютъ истинными, въ томъ опасеніи, что принимаемое ими за истинное можетъ оказаться ложнымъ, — въ такомъ случаѣ люди должны были бы сдѣлать то, чтобы положить на свои уста печать совершеннаго молчанія“. Дѣйствительно, при второмъ изданіи своей исторіи Голубинскій дѣлаетъ болѣе или менѣе существенныя поправки и дополненія; ему же, какъ автору, можно поставить въ упрекъ извѣстнаго рода упорство въ отстаиваніи своихъ взглядовъ и нежеланіе сознать ошибочность ихъ, нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, не согласнымъ съ его собственными, а къ авторамъ ихъ — какъ будто и высокомеріе. Мѣстами у него обнаруживается гиперкритицизмъ, сбивающій съ правильнаго пути его исторической анализъ. Голубинскій не любилъ говорить о своихъ предшественникахъ въ разработкѣ тѣхъ или другихъ вопросовъ, такъ что выходило, какъ будто онъ единственно рѣшалъ ихъ. Для примѣра можно указать хотя бы на критику

его сказанія объ А. Первозванномъ: Главныя положенія Голубинскій взялъ почти буквально у м. Платона (изъ его „Краткой Россійской Церковной Исторіи“. М. 1805, стр. 11—13), но, взявши, умолчалъ объ этомъ. Доказывая, да-лѣе, ошибочность лѣтописной хронологіи по поводу нападе-нія руссовъ на Константинополь (т. н. походъ Аскольда и Дира), что таковое было не въ 866 году, а въ 860, онъ ни словомъ не упоминаетъ объ Ассемони, извѣстномъ ориен-тилистѣ XVIII в., который еще въ 1755 году въ своихъ *Kalendaria Ecclesiae Universae* доказывалъ тоже самое.

Любопытно то, что Голубинскій не говоритъ о немъ и во второмъ изданіи Исторіи, даже послѣ того, какъ проф. А. А. Васильевъ напомнилъ ему объ этомъ („Византія и Арабы“, стр. 190—191). Голубинскій до конца своей жизни остался вѣренъ *норманизму* и очень любилъ *варяговъ*, изъ которыхъ онъ создалъ даже христіанскую общину въ Кіевѣ при князѣ Игорѣ, вопреки очевидности. Въ данномъ случаѣ онъ, какъ и другіе послѣдователи этого толка, упорно за-крывалъ свои уши и не слушалъ никакихъ доводовъ... Го-лубинскій какъ будто бы бьетъ на оригинальность, утвер-ждая, что Солунскіе братья, сдѣлавъ переводъ библіи на сла-вянскій языкъ, не совершили ничего особеннаго въ сравне-ніи со всѣми другими обыкновенными переводчиками, зани-мающимися этимъ дѣломъ. Но переведенное свв. Констан-тиномъ и Меодіемъ св. Писаніе для славянъ сдѣлалось тѣмъ же, чѣмъ для нѣмцевъ библія, переведенная Лютеромъ, хотя и до него были переводы на нѣмецкій языкъ... Наконецъ, нельзя не упомянуть о языкѣ, которымъ написана его исто-рія: онъ очень несовершененъ. Литературнымъ слогомъ Го-лубинскій не обладалъ.

Однако все, поставленное въ минусъ ему, не можетъ затѣнить его громаднаго труда,—громаднаго и по количеству и по качеству. Книги Голубинскаго останутся надолго образ-

цемъ того, какъ нужно писать исторію; долго будутъ служить источникомъ, откуда изслѣдователи будутъ почерпать темы для своихъ работъ, такъ какъ, при массѣ затронутыхъ имъ вопросовъ, послѣдніе въ многихъ случаяхъ только намѣчены, но не разработаны. Голубинскій писалъ сравнительно о немногомъ, но много, и писалъ съ исчерпывающей полнотою.

Достаточно указать хотя бы на то, что двѣ книги его „Исторіи“, обнимающія собою только три вѣка, имѣютъ 1900 страницъ! Онъ представляетъ собою типичный образецъ мастера прежней школы, выступавшаго въ свѣтъ обыкновенно только по всецѣломъ изученіи предмета, и въ разѣ уже намѣченной области, чѣмъ рѣзко отличается отъ современнаго верхоглядства и недомыслія. Голубинскій далеко не докончилъ своей „Исторіи“, о чемъ нельзя не сожалѣть, и сожалѣть глубоко, тѣмъ болѣе, что у него не осталось преемника; не слышно что то и объ ученикахъ его, хотя бы въ малой мѣрѣ усвоившихъ мастерство своего учителя...

Да, нельзя не сказать: съ кончиною Голубинскаго въ могилу сошла и Исторія Русской Церкви! Воскреснетъ-ли она и когда?

Ө. М. Ильинскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ редакціи

„ТРОИЦКИХЪ ЛИСТКОВЪ“.

„Троицкіе Листки“ можно выписывать полнымъ наборомъ, для раздачи народу по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ при внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ. Цѣна полнаго набора листковъ съ пересылкою до 1000 верстъ 7 р., а далѣе 8 рублей.

При требованіи листковъ отдѣльными частями цѣна ихъ за сотню безъ пересылки 45 коп., съ пересылкою 65 коп.

„Троицкіе Листки“ имѣются сброшюрованными въ отдѣльные выпуски по 40 №№ въ каждомъ. Всѣхъ выпусковъ 33 экз. Цѣна cadaго выпуска 30 коп. безъ пересылки, 40 коп. съ пересылкою. Выпуски можно выписывать для школьныхъ библіотекъ въ папкѣ. Цѣна 40 к. безъ пересылки.

„Троицкіе Листки“ можно пріобрѣтати въ папкѣ сотнями (10 экз.), томами (6 томовъ по 200 №№ въ каждомъ). Цѣна каждой сотни 85 к. съ пересылкою. Томы же въ папкѣ высылаются по 2 р.; въ коленкорѣ 2 руб. 20 коп. съ пересылкою.

„Троицкіе Листки“ съ № 801 по 1000-й содержатъ полное толкованіе на Евангеліе отъ Матѳея. Цѣна въ папкѣ 2 р., а въ коленкорѣ 2 р. 50 коп. съ пересылкою.

«*Дванадцатые праздники*» сборникъ „Троицкихъ Листковъ“. Цѣна въ папкѣ съ пересылкою 85 коп.

Каталогъ другихъ Троицкихъ изданій высылается бесплатно.
Редакторъ ценз. Никонъ, Еп. Вологодскій и Тотемскій.

Адресъ: Сергіевъ Посадъ, Моск. губ. Редакція Троицкихъ Листковъ.

(2—3)

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

„БОЖІЯ НИВА“

Троицкій собесѣдникъ для православной школы и семьи

Въ 1912 году

(одиннадцатый годъ изданія).

Съ Божіей помощью продолжается по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прежде.

Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ изданіе одобрено для выписки въ библіотеки народныхъ школъ. Всероссійскимъ миссіонерскимъ съюзомъ Божія Нива включена въ число изданій, желательныхъ для миссіонеровъ.

Въ составъ программы сего изданія входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Церковь и школа. II. Семья и школа. III. Школа и народная жизнь. IV. Школа, какъ воспитательница эстетическаго чувства. V. Посѣвы и всходы. Лѣтопись церковныхъ школъ. VI. Переписка нашихъ читателей. VII. Нашъ дневникъ. Приложенія.

„*Зернышки Божіей Нивы*“. Троицкое чтеніе для дѣтей. (12 №№ въ годъ).

Сроки выхода 12 разъ въ годъ.

Годовая подписка съ приложеніемъ одинъ рубль съ перес. Комиссіонная скидка не допускается.

Подписка на полгода и отдѣльные мѣсяцы не принимается.

Первые десять томовъ *Божіей Нивы* можно получать безъ приложеній по 50 к.; въ папкѣ по 75 к. и въ коленкоромъ переплетѣ по 1 р. 25 коп. каждый томъ безъ бересылки. При выпискѣ одного или нѣсколькихъ томовъ *Божіей Нивы*, *Зернышки* могутъ высылаться по 3 коп. за экземпляръ. Пересылка же производится по почтовой таксѣ, смотря по вѣсу и разстоянію.

Редакторъ всѣхъ Троицкихъ изданій одинъ и тотъ же: и Троицкіе Листки, и Божія Нива съ *Зернышками*, и Троицкое Слово — всѣ выходятъ подъ редакціей нижеподписавшагося Епископа Нікона. Всѣ наши читатели составляютъ одну семью и приглашаются подписываться на оба журнала вмѣстѣ: Троицкое Слово и Божію Ниву съ приложеніемъ *Зернышекъ*. Подписная цѣна за оба изданія (50 №№ Троицкаго Слова, 12 №№ *Божіей Нивы* и 12 книжекъ *Зернышекъ*) два рубля съ пересылкою въ годъ. Отдѣльно каждое изданіе одинъ рубль въ годъ.

Адресъ общей ихъ редакція: Сергіевъ Посадъ, Моск. губ. Редакторъ ценз. Ніконъ Ев. Вологодскій и Тотемскій.

Адресъ: Сергіевъ Посадъ, Московской губ., Редакція „*Божіей Нивы*“.

О ПОДПИСКѢ въ 1912 году
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ:

„Троицкое Слово“.

(Третій годъ изданія).

Цѣна за 50 №№ въ годъ одинъ рубль съ пересылкою.

Подписная цѣна за оба изданія (50 №№ Троицкаго Слова, 12 №№ Божіей Нивы и 12 книжекъ Зернышекъ) два рубля съ пересылкою въ годъ.

Отдѣльно каждое изданіе одинъ рубль въ годъ.

Адресъ общей ихъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Моск. губ.

Подписка на полгода и отдѣльные мѣсяцы не принимается.

Первые два тома ж. Тр. Слова высылаются сброшюрованными по 1 р. 25 к., въ папкѣ по 1 р. 50 к съ пересылкою.

Редакторъ цензоръ Нікоизъ, Еп. Вологодскій и Тотемскій

Адресъ: Сергіевъ Посадъ, Моск. губ., Редакція „Троицкаго Слова“.

2—3

Открыта подписка на 1912 годъ на духовный журналъ

„СТРАННИКЪ“

съ бесплатнымъ приложеніемъ

ОБЩЕДОСТУПНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

и прибавленія къ ней

Духовный журналъ „Странникъ“ будетъ издаваться въ 1912 г. по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движенія богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служить въ теченіе болѣе

полустолбтія. При журналъ въ качествѣ безплатнаго приложенія издається „Общедоступная Богословская Библіотека“ (издана уже 28 томовъ), имѣющая своею цѣлью сдѣлать вполнѣ доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы.

Въ 1912 году подписчикамъ будутъ даны три капитальныхъ сочиненія:

1) Два послѣднихъ тома (IX и X) *Толковой Библии*, въ которые войдутъ Евангелія отъ Луки и Іоанна, Дѣяпія, Посланія и Апокалипсисъ. Такимъ образомъ, подписчики „Странника“ будутъ имѣть *Полную Толковую Библію*—единственную въ Россіи.

и 2) „Соціальное ученіе Христа“. Опытъ христіанской соціологіи. S. Mathews'a.

Журналъ по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10—12 и болѣе печ. листовъ (до 200 стр. въ книжкѣ).

Цѣна: а) въ Россіи за журналъ „Странникъ“ съ приложеніемъ двухъ Томовъ „Общедоступной Богословской Библіотеки“ и одного трактата *восемь (8) рублей* съ пересылкой; б) за границу *11 р.* съ пересылкой.

Примѣч. а) Въ отдѣльной продажѣ для неподписчиковъ цѣна „Богосл. Библіотеки“ *2 р. 50 к.* за томъ безъ перес. и *3 р.* съ перес.

б) Желающіе имѣть выпуски „Библіотеки“ въ изящномъ англійскомъ переплетѣ благоволятъ прилагать по *50 коп.* за выпускъ.

в) Новые подписчики, желающіе получить уже вышедшіе *12 томовъ „Правосл. Богосл. Энциклопедіи“* и *8 томовъ „Толковой Библии“*, прилагаютъ при выпискѣ всѣхъ по *1 руб* за томъ (въ перепл. по *1 р. 50 к.*), а при выпискѣ на выборъ по *1 р. 50 к.* (въ пер. по *2 р.*); при выпискѣ вышедшихъ *8 томовъ Толковой Библии* прилагаютъ по *1 руб. 25 коп.* за томъ, а въ переплетѣ по *1 р. 75 к.*

Адресоваться: Въ редакцію духовнаго журнала „СТРАННИКЪ“:
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. 182.

За редактора *С. Артемьевъ.*

Издательница *Р. А. Артемьева*, урожд. *Допухина.*

При каждомъ № «НИВЫ» подписчики получаютъ не одной **52** книги.
книгъ, всего въ годъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1912 ГОДЪ

(43-й годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстрированный
ЖУРНАЛЪ
со многими иллюстраціями.

НИВА

Г.г. подписчики «НИВЫ» получаютъ въ теченіе 1912 года:

52 №№ еженедѣльн. художеств. литер. жур. «НИВЫ»: романы, повѣсти и рассказы, критич. и популярно-научн. очерки, біографіи, обзоръ дѣятельности Государственной Думы и политич. обзорѣнія; рис. въ краск., снимки съ картинъ, рисунки, фотоэтюды и иллюстраціи соврем. событій; рядъ очерковъ и рисунк. будетъ посвященъ столѣтію Отечественной войны

52 КНИГИ, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдетъ:

12 книгъ ежемѣсячнаго журнала: «Литературныя и популярно-научныя приложенія»: романы, повѣсти, рассказы, популярно-научн. и критич. статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы бібліографіи, смѣся, шахматъ и шашекъ, задачъ и игръ.

40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“ **40** книгъ,

содержащихъ четыре полныхъ собранія сочиненій

(стояція въ отдѣльн. продажѣ свыше 30 р.),

которыя подписчики получаютъ полностью въ теченіе одного 1912 года:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.

Помяловскій, литературный сверстникъ Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Писемскаго, пришелъ въ общество съ новыми словами любви и скорби къ преврѣнному мѣщанину и плебею. Его Мѣщанское счастье и «Молотовъ», — цѣлая эпопея о томъ, какъ зараждается, развивается и течетъ жизнь нашего средняго трудового чиновничества. Съ именемъ Помяловскаго неразрывно связаны его знаменитыя „Очерки бурсы“.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. И. КУПРИНА.

(Будетъ дополнено произвед., не вошед. въ издан. пока томы юан. собр. его сочинен.).

Купринъ—писатель XX вѣка по идеямъ и по времени новикновенія своей литературной славы. Онъ душевно близокъ обществу, не стремится поучать, проповѣдывать, стать выше общества, а, наоборотъ, опускается въ смрадные глубины жизни, въ «ямы» и болота. Купринъ постигъ душу новаго дѣловаго, разсудительнаго поколѣнія и сталъ его любимымъ пѣвцомъ—пѣвцомъ воли, знаменосцемъ сильныхъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ **А. А. ФЕТА.**

Ни у одного изъ нашихъ поэтовъ не имѣеть такого преобладающаго значенія чувство природы, какъ у Фета. И его чувство природы всегда совпадаетъ съ чувствомъ родины. Поэтъ-лирикъ въ самомъ высшемъ значеніи этого слова, Фетъ возвышается надъ словомъ, и его пѣвучіе стихи—чистая музыка.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ **ОСК. УАЙЛЬДА.**

Пѣвецъ культурнаго дравовенія, жрецъ искусства для искусства, тонкій знатокъ античнаго міра, Уайльдъ, какъ беллетристъ, исключителевъ своимъ особымъ даромъ будить мысль и чувство. Крупнѣйшее беллетристическое произведеніе Уайльда—«Портретъ Доріана Грея» и его мрачная «Баллада изъ Рэдингской тюрьмы»—по захватывающему интересу и художественной глубинѣ переживаній человѣческой души—произведенія совершенно исключительныя въ міровой литературѣ. «Сказки» Уайльда поставили его имя въ рядъ съ бессмертнымъ именемъ Андерсена.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ съ почтовымъ ящикомъ.

12 ЛИСТОВЪ: до 300 рукодѣльныхъ и выцѣльныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ.

1 „Отрывной ежемѣсячный календарь“ на 1912 годъ, отпечатан. красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями въ годъ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки—6 р. 50 к., съ доставкой 7 руб. 50 руб.
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской—7 руб. 25 коп.;
2) въ Одессѣ, въ книжномъ магазинѣ «Образованіе»—7 руб. 50 коп.

Съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи **8 р.** За границу—12 руб.

Разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала «НИВА», улица Гоголя, № 22.

2—3

Зубной врачъ
А. И. ДОЛГОПОЛОВА.

Леченіе, пломбированіе фарфоромъ, золотомъ, серебромъ и пр.

Удаленіе зубовъ безъ боли.

Искусственные зубы на золотѣ, каучукѣ, штифтахъ и проч.

Пріемъ больныхъ ежедневно отъ 9 до 2 дня и отъ 3 до 6 вечера.

Воронежъ, Средне Московская ул. домъ Смоленскаго Собора № 34.

Духовнымъ скидна.

(25-52)

ВО ВНОВЬ ОТКРЫТЫХЪ

(въ Воронежѣ, Большая Московская д. № 44)

Епархіальныхъ складѣ и магазинѣ

имѣется большой выборъ церковной утвари, иконъ, парчи, парчевыхъ издѣлій и другихъ предметовъ церковнаго обихода.

Продажа по цѣнамъ специальныхъ Московскихъ фирмъ.

(1—3)

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Благочестіе и добрая жизнь. — П. *Никольскаго*.

Забытое дѣло. — Св. П. *Н—ова*.

Больной вопросъ. — *Избирателя*.

Е. Е. Голубинскій. — О. М. *Ильинскаго*.

Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ*.

Печатать дозволяется. 5 февраля 1912 г. И. д. Цензора Прот. Г. Алферовъ.